

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ FROM THE HISTORY OF SOCIO-POLITICAL THOUGHT

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-21-37

Научная статья / Research article

Аксиологические основы российской государственности: «правда» и «справедливость» в отечественном идейно-политическом дискурсе

С.В. Перевезенцев^{1,2} , Д.А. Ананьев³

¹Государственный академический университет гуманитарных наук
Москва, Российская Федерация

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

³Лондонская школа экономики и политических наук, Лондон, Великобритания

 serp1380@yandex.ru

Аннотация. Понятие «правда» как ценностная духовно-политическая категория постоянно присутствует в русских духовно-политических сочинениях с древности до наших дней. Но в XVIII в. происходит важная трансформация этого понятия в отечественном идейно-политическом дискурсе. Под влиянием западноевропейской традиции в русских социально-политических сочинениях государственнического, консервативно-просветительского и радикально-просветительского направлений постепенно происходит переход от традиционных понятий, в том числе от понятия «правда», к таким понятиям как «справедливость» или «общая польза». Таким образом, оно приобретает значение, сохраняющееся и в современной политологической литературе. Однако понятие «правда» в традиционном значении не исчезает вовсе из общественно-политического дискурса XVIII в., а используется в основном в художественной литературе, прежде всего в поэзии, и в сочинениях традиционалистско-православного направления. Подобный вывод позволил сделать оригинальный методологический подход: анализ сочинений авторов XVIII в. осуществлялся на основе поисковой базы Национального корпуса русского языка, при этом в общей сложности было изучено более 800 текстов, созданных в 1701–1800 гг., в которых использовались слова «правда» и «справедливость». Основными методами исследования помимо общенаучного методологического аппарата стали — контент-анализ и политико-текстологический анализ.

© Перевезенцев С.В., Ананьев Д.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: правда, справедливость, общая польза, духовно-политические ценности, аксиологические основы, российская государственность

Для цитирования: *Перевезенцев С.В., Ананьев Д.А.* Аксиологические основы российской государственности: «правда» и «справедливость» в отечественном идейно-политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 21–37. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-21-37>

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта № FZNF-2022-0004 «Аксиологические основы российской государственности: история и современность», реализованного в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» по итогам отбора научных проектов, проведенных Министерством высшего образования и науки РФ и ЭИСИ.

Axiological Foundations of Russian Statehood: “Truth” and “Justice” in the Domestic Ideological and Political Discourse

Sergey V. Perevezentsev^{1,2} , Dmitry A. Ananiev³

¹ *State Academic University for Humanities, Moscow, Russian Federation*

² *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

³ *London School of Economics and Political Science, London, United Kingdom*

 serp1380@yandex.ru

Abstract. The concept of “truth” as a valuable spiritual and political category is constantly present in Russian spiritual and political writings from antiquity to the present day. But in the 18th century, there is an important transformation of this concept in the domestic ideological and political discourse: Under the influence of the Western European tradition in Russian socio-political writings of the state, conservative-educational and radical-educational trends, there is a gradual transition from traditional concepts, including the concept of “truth”, to such concepts as “justice” or “common use”. Thus, it acquires a significance that persists, including in modern political science literature. However, the concept of “truth” in its traditional meaning does not disappear at all from the socio-political discourse of the 18th century, but is used mainly in fiction, primarily in poetry, and in the writings of the traditionalist-Orthodox trend. A similar conclusion was made possible by an original methodological approach: the analysis of the works of the authors of the 18th century. It was carried out on the basis of the search database of the National Corpus of the Russian language, while in total more than 800 texts created in 1701–1800 were studied, in which the words “truth” and “justice” were used. In addition to the general scientific methodological apparatus, the main research methods were content analysis and political-textual analysis.

Keywords: truth, justice, common good, spiritual and political values, axiological foundations, Russian statehood

For citation: Perevezentsev, S.V., & Ananiev, D.A. (2023). Axiological foundations of Russian statehood: “Truth” and “justice” in the domestic ideological and political discourse. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 21–37. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-21-37>

Acknowledgements: The reported study was funded by the research project no. FZNF-2022-0004 “Axiological Foundations of Russian Statehood: History and Modernity” implemented at the State Academic University of Humanities based on the results of the selection of scientific projects conducted by the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation and the EISR.

Введение

Одной из важнейших задач сохранения и развития российской государственности является обеспечение и защита духовного, политического и национального суверенитета. Эта задача напрямую связана с сохранением исторической памяти и национально-гражданской идентичности, которая опирается на комплекс базисных идеалов и духовно-политических ценностей¹, основанных на собственном историческом опыте, но вбирающих в себя все те положительные новшества, которые несет с собой социальный, информационный и технологический прогресс.

Одними из важнейших ценностных духовно-политических категорий, постоянно присутствующих в отечественном идейно-политическом дискурсе на протяжении всего времени существования российской государственности, были понятия «правда» и «справедливость». Как показывают недавние исследования, важное значение этих понятий, прежде всего понятия «справедливость», сохраняется и в наше время [Мареева 2015]. В частности, «справедливость», как духовно-политическая ценность, занимает устойчивое место в верхнем уровне ценностной иерархии молодежи [Селезнева, Антонов 2020], а категория «правда» в представлениях молодежи о справедливости «обозначает отечественное политико-культурное понимание справедливости как истинного и честного» [Селезнева 2020: 25]. И если на Западе справедливость понимается преимущественно в юридическом ключе, в России понимание справедливости традиционно включает в себя и социально-экономические, и морально-нравственные аспекты [Здравомыслова 2003]. При этом, по мнению молодежи, основной политической актор, который может обеспечить справедливое общественное устройство, традиционно вынесен вне самой личности, а именно — это государство [Касамара, Максименкова, Сорокина 2020].

В этой связи особенно актуальным является изучение исторических корней аксиологических основ российской государственности, и в частности в идейно-политическом дискурсе XVIII века, в рамках которого происходит постепенный переход от традиционного религиозного понимания основных ценностных категорий к осмыслению этих категорий в рационалистическом ключе. Этой проблематике был посвящен ряд интересных исследований. В частности, следует обратить внимание на некоторые статьи: работу С.Н. Черных, в которой автор проводит тезис об отсутствии принципиальной разницы между «правдой» и «справедливостью» [Черных 2010], а также статью Т.К. Овчинниковой, исследующую соотношение категорий «закона» и «правды» в русской политической

¹ Подробнее о понятии традиционных базисных духовно-политических ценностях российской государственности см.: [Перевезенцев, Пучнина, Страхов, Шакирова 2021, Вестник МГУ].

мысли в период с XI по XVI в. [Овчинникова 2016]. Небезынтересное исследование соотношения категорий «правды» и «справедливости» в русской культуре проведено Н.В. Печерской [Печерская 2011]. Кроме того, стоит упомянуть работы Т.В. Артемьевой [Артемьева 1996] и А.Б. Каменского [Каменский 2010], а также ряд диссертационных исследований². Существует также обширный массив зарубежных работ, посвященных исследованию феномена справедливости, среди них выделяются труды Дж.Л. Гибсона, Я. Селби, Д. Ольшанский, М. Сэндела, У. Кимлики, А. Свифта, О. Хеффе, Л. Болтански и Л. Тевено и др. [Gibson 2002; Selby 2006; Olshansky 2007; Sandel 2009; Kymlicka 2002; Swift 2014; Хеффе 2007; Болтански, Тевено 2013; Simpson 2022].

Анализ сочинений авторов XVIII в. осуществлялся на основе поисковой базы Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ)³. В общей сложности было изучено более 800 текстов, созданных в 1701–1800 гг., в которых использовались слова «правда» и «справедливость». Основными методами исследования помимо общенаучного методологического аппарата стали контент-анализ и политико-текстологический анализ.

Идея правды в идейно-политическом дискурсе XVIII в.

В современной историографии выделяется несколько основных направлений в отечественной социально-политической мысли XVIII в.: государственническое, консервативно-просветительское, радикально-просветительское и традиционалистско-православное [Перевезенцев 2015: 36]. Мыслители, принадлежавшие к тому или иному направлению, по-разному осмысливали понятия «правда» и «справедливость» и взаимоотношения между ними.

На основе поисковой базы НКРЯ было выявлено и проанализировано 511 текстов, созданных в данный исторический период, в которых наличествует слово «правда»; в большинстве текстов слово «правда» используется как устоявшийся фразеологизм или вводное слово и не имеет какого-либо специфического идейно-политического содержания. В свою очередь в 64 текстах выявлено социально-политическое содержание понятия «правда», из них 34 — представля-

² См. *Котова О.А.* Государственная деятельность Екатерины II: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Москва, 2000. 245 с.; *Черников М.В.* Философия Правды в русской культуре: дис. ... доктора философских наук: 24.00.01. Воронеж, 2002. 336 с.; *Лебедева Н.А.* Философская мысль русского духовенства в российском Просвещении: дис. ... кандидата философских наук: 24.00.01. Мурманск, 2003. 221 с.; *Кашиников Б.Н.* Либеральные теории справедливости и политическая практика России // Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2004. 260 с.; *Уткин Г.Н.* Идея правды в отечественной правовой мысли: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01. Москва, 2008. 150 с.; *Баклашов А.И.* Екатерина II и общественное мнение: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Москва, 2009. 290 с.; *Бобылева Е.Ю.* Феномен правды как онтолого-аксиологическая доминанта русской культурной традиции: дис. ... кандидата философских наук: 24.00.01. Тамбов, 2007. 154 с.

³ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.11. 2022 г.).

ют собой поэтические произведения, 30 — прозаические сочинения духовного содержания, созданные православными духовными и светскими мыслителями. При этом в рассуждениях о «правде» русских поэтов, духовных и светских мыслителей нашла продолжение прямая преемственность русской духовной традиции XI–XVII вв.: «правда» понимается как воплощение Божьей воли в мире, а единственной фигурой, способной установить «правду» в государстве, признается самодержавный государь.

К примеру, очень часто понятие «правда» встречается в поэтических сочинениях В.К. Тредиаковского, по мнению которого, главный источник «правды» — Господь Бог, Который «правдой» управляет людьми, помогает им избегать греха и обрести истинную веру⁴. В своей «Оде вымышлена в славу правды, побеждающая ложь и всегда торжествующая над нею» В.К. Тредиаковский дает характеристику основных черт «правды»⁵. О божественном источнике «правды» писали и другие поэты того времени: А.Д. Кантемир, Ф.П. Ключарев, Н.П. Николев, И.И. Мартынов, М.М. Вышеславцев и др.⁶

Для русских поэтов XVIII в., так же как и для русских мыслителей XI–XVII вв., «правда» — важнейшее качество русского государя, ведь смысл правления русского православного государя и заключается в воплощении Божией правды на земле. «Любовь к народу, правда, суд / И кроткий дух в Елисавете / С хвалой во всем гласяся свете», — утверждал в 1756 г. профессор Московского университета Н.Н. Поповский⁷. «В ней бодрость, кротость, правда, вера / Я Сам в лице ее предстал...» — говорит от имени Самого Господа о Елизавете Петровне М.В. Ломоносов в 1757 г.⁸ В том же ключе писали о русских государях и другие поэты этого периода: И.Ф. Богданович, Н.М. Карамзин, И.И. Варакин⁹.

В свою очередь, отсутствие «правды» — верный признак неистинного правителя, силой и обманом захватившего престол. Неслучайно в трагедии «Димитрий Самозванец» А.П. Сумароков устами царевны Ксении Годуновой утверждает: «Увяла правда вся, тирану весь закон — / Едино только то, чего желает он, / А праведных царей для их бессмертной славы / На счастье подданных основаны уставы»¹⁰.

⁴ Тредиаковский В.К. Избранные произведения. Библиотека поэта. Большая серия. М.: Л.: Советский писатель, 1963. С. 318–320.

⁵ Там же. С. 406.

⁶ См.: Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956. (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание); Поэты 1790–1810-х годов. Л.: Советский писатель, 1971. (Библиотека поэта. Второе издание); Поэты XVIII века Л.: Советский писатель, 1972. (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание); Поэзия небес. Вып. 2. Т. I. СПб.: Библия для всех, 2001.

⁷ Поэты XVIII века. Л.: Советский писатель, 1972. (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание). С. 106.

⁸ Ломоносов М.В. Избранные произведения Л.: Советский писатель, 1986. (Библиотека поэта. Большая серия. Издание третье). С. 159, 196.

⁹ Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1957. 257 с., портр. (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание). С. 152.

¹⁰ Сумароков А.П. Избранные произведения Л.: Советский писатель, 1957. (Библиотека по-

Естественно, о Господе, как источнике «правды», постоянно рассуждали православные мыслители, к примеру, митрополит Рязанский и Муромский Стефан Яворский¹¹ или митрополит Московский и Коломенский Платон (Левшин), который неоднократно отмечал, что «Бог есть самая правда»; «правда и святость Христова, есть моя правда пред Богом», «Слово Божие сильнейшим образом Божию правду проповедует»¹².

Из светских социально-политических мыслителей XVIII в. в том же духе о «правде» писал И.Т. Посошков. Главным трудом жизни И.Т. Посошкова по праву считается «Книга о скудости и богатстве», в ней он изложил свои взгляды на должное государственное устройство. И.Т. Посошков ставил перед собой две цели, разрабатывая систему преобразований: во-первых, объяснить «отчего содевается напрасная скудость и отчего умножится может изобильное богатство» и «...како бы насадити прямую правду и во всяких делех исправление и како бы водрузити любовь и безпечное житие народное»¹³. Более того, И.Т. Посошков ставит «правду» выше богатства, обозначенного даже в названии книги, и, подобно И.С. Пересветову, приравнивает «правду» к Богу, к Богу Отцу, а не ко Христу, различие в данном случае незначительное¹⁴. Особенно интересно, что «правда» понимается И.Т. Посошковым в традиционном для духовно-политической мысли России XVI в. значении — как жизнь людей, выстроенная угодным Богу образом. При этом «правда» не сводится к «юридической» справедливости, она должна охватывать все сферы жизнедеятельности людей, организовывая их в соответствии с христианским вероучением. В дополнение к тому, что «правда» угодна Богу, И.Т. Посошков добавляет, что она позволяет народу и государству обогащаться. «Праведными» он считает и экономически эффективные, по его мнению, меры, не принося в жертву эффективности справедливость. Даже цену товара он предлагает мерять «самою правдою», что также подтверждает верховенство «правды» в его взглядах¹⁵.

В духе традиций XVI в. И.Т. Посошков считает, что только царь способен установить «правду», поэтому самодержавный правитель, помазанник Божий должен обладать полнотой всей власти, чтобы установить «правду», чтобы царство жило по Божьей воле и процветало в богатстве¹⁶.

эта. Большая серия. Второе издание). С. 438.

¹¹ *Стефан Яворский, митр.* Сочинения / публ., вступ. статья, словарь терминов и указ. имен Н.Н. Бородинной. Саратов: Научная книга, 2014. С. 251.

¹² *Платон (Левшин), митр.* Поучительные слова: в 8 т. Т. 1. М., 1779 URL: <https://www.stsl.ru/lib/platon1/2.php>; Т. 7. М., 1780; URL: https://www.stsl.ru/lib/platon7/part1_5.php; Т. 8. М., 1781; URL: https://www.stsl.ru/lib/platon8/part_5_1.php (дата обращения: 15.11.2022.).

¹³ *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве. Завещание отеческое / сост., авторы вступ. ст. и коммент. Н.В. Козлова, Л.Н. Вдовина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 47.

¹⁴ Там же. С. 75.

¹⁵ Там же. С. 76–77.

¹⁶ Там же. С. 200.

Идеи «справедливости» и «общей пользы» в идейно-политическом дискурсе XVIII в.

В ходе изучения использования понятия «справедливость» в сочинениях русских авторов XVIII в. на основе поисковой базы НКРЯ было проанализировано более 300 текстов, созданных в данный исторический период. В большинстве из них слово «справедливость» являет собой фразеологизм (например, «отдать справедливость», т. е. оценить по достоинству, воздать должное, признать достоинства) или же подразумевается прямая связь «справедливости» с правосудием, тем или иным решением суда. Тем не менее в определенной части социально-политических сочинений тема справедливости заняла вполне серьезное место.

Предварительно стоит сказать о том, что для мыслителей XVIII в. особое значение приобрело понятие «общей пользы», которое напрямую было связано с понятием «справедливость»: справедливо то, что полезно всему обществу, и, наоборот, «общая польза» — справедлива. В определенном смысле понятие «общей пользы» дополнило существовавшие ранее идеалы «Святорусского царства» и «Нового Израиля», если не заменило их. Смещению идеалов способствовало появление категорий «Отечество», «служения Отечеству», «пользы Отечеству» [Черная 1989; Лубский 2012; Перевезенцев, Пучнина, Страхов, Шакирова 2021]. В XVI в. можно было говорить о служении царя Богу, а народа — царю. К XVIII в. ситуация меняется: и правитель, и народ служат Отечеству, служба Отечеству, принесение пользы Отечеству и есть «общее благо», обеспечивающее «справедливость». Поэтому можно утверждать, что «идея „пользы Отечества“ — это рационалистическая трансформация традиционного православного представления о России как стране обитания и сосредоточения Божией благодати» [Перевезенцев, Пучнина, Страхов, Шакирова 2021, Тетради: 267]. При этом понятие «общей народной пользы» и «общей государственной пользы» оказываются тождественны, и это логично, особенно для первой половины XVIII в. когда в европейском мире большой популярностью пользовалось учение камерализма, наибольшего развития достигшее в Пруссии и Швеции [Каменский 2010: 9–14]. «Общая польза», таким образом, есть все, что служит на благо Отечеству.

Идеи «справедливости» и «общей пользы» в сочинениях мыслителей государственнического направления

Один из представителей государственнического направления, фактически главный идеолог русского абсолютизма, Феофан Прокопович, затрагивал тему «общей пользы» в «Правде воли монаршей». «Общая польза», по мнению Феофана Прокоповича, состоит в четырех основных «долженствованиях» царя. Во-первых, это обеспечение условий для благочестивой жизни по христианскому вероучению, во-вторых, обеспечение благосостояния подданных — «честное жительство» и «безпечалие»; в-третьих, правосудие

и поддержание справедливости, в-четвертых, защита Отечества от внешних угроз¹⁷. Получается, что «общая польза» охватывает все сферы жизни любого из подданных, царь имеет право контролировать и регулировать любой элемент общества. Имеет смысл провести параллель с иосифлянкой традицией духовно-политической мысли, также следовавшей принципу сильного самодержавного правления. В отличие от иосифлян Феофан Прокопович видит цель царского правления не в установлении «правды» для приближения к идеалу божественной справедливости, а в «добре общем народа» — в следовании «общей пользе». Одним из условий сильного государства мыслитель называет поддержание правосудия и справедливости. Справедливость в данном случае, хотя и предполагает принцип воздаяния должного, имеет чисто юридическое значение — соблюдение законов. Законы произвольно устанавливаются монархом.

Власть монарха основывается, по Феофану Прокоповичу, на договоре с народом, передающим свою «волю» навечно, и на Божьем благословении, освящающем данный договор. Таким образом, Феофан Прокопович обосновывает наличие абсолютной власти монарха: монарх сам определяет, что составляет «общую пользу», и действует без каких-либо ограничений. Вопрос о справедливости не ставится, более того, справедливость имеет меньшее значение, чем в иосифлянкой традиции. Для Феофана Прокоповича важно, чтобы монарх получил свою власть «праведным» образом. «Праведный», то есть правящий по праву монарх, не может быть несправедливым, потому что справедливость определяется его волей. Когда Феофан Прокопович пишет о справедливости, то для него важно обеспечение незыблемости и соблюдения законов, устанавливаемых монархом. Принцип, по которому пишутся законы, определяется исключительно волей монарха.

Похожей позиции придерживался Петр I. Он считал необходимой абсолютную власть монарха для деятельности на «общую пользу». Он не обосновывал своей позиции теоретически, однако в записках и письмах нередко апеллировал к данной категории. Особенно характерно то, что он зачастую добавлял в словосочетание общая польза прилагательное государственная: «...И того ради надлежит вам для общей государственной пользы (для которой мы и персоны своей, принимая всякия трудности, не щадим) то снести»¹⁸.

В свою очередь, в представлениях о справедливости Екатерины II наблюдается особого рода двойственность. Во-первых, справедливость для Екатерины II определяется естественным правом и Богом; во-вторых, Екатерина II признает, что в интересах России (то есть в интересах «общего блага») можно было бы поступать несправедливо и, более того, именно так она сама и поступила бы, потому что она, как монарх, обязана заботиться о счастье

¹⁷ *Феофан Прокопович*. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 353.

¹⁸ *Петр Великий*. Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 289–290.

своих подданных¹⁹. В результате, признавая теоретическую справедливость естественно-правовых идеалов, в политике Екатерина II ставила в качестве основного приоритета «общее благо». Императрица пишет: «...Хочу общей цели — сделать счастливыми...» и «Легко достигнуть любви и славы тому, кто этого желает: примите в основу ваших действий, ваших постановлений благо народа и справедливость, никогда не разлучных»²⁰. Таким образом, она отождествляет практическую справедливость и «общую пользу». Действия, несущие благо народу и государству, не могут быть признаны несправедливыми.

Итак, в представления мыслителей государственнического направления важность справедливости как составной части «правды» снижается, место справедливости занимает «общая польза», которая, тем не менее, может подразумевать справедливость как свою составную часть. Имеются две основные позиции о положении справедливости. Первая — предполагает, что справедливость гарантируется нахождением у власти законного монарха с неограниченной, абсолютной властью. Любое действие такого монарха априори будет справедливым, он определяет содержание «общей пользы» и обладает исключительным правом устанавливать законы. Вторая — предполагает разделение «общей пользы» и справедливости. Теоретически справедливость возводится к воздаянию должного и может строиться на разных принципах, например на принципе «заслуг» или принципе естественных прав. Однако такая справедливость не является определяющей в обществе в силу наличия необходимости стремления к «общей пользе», которая опять же может быть достигнута лишь мудрым правлением самодержавного монарха.

Идеи справедливости и «общей пользы» в сочинениях мыслителей консервативно-просветительского направления

Иное представление об идеях «общей пользы» и справедливости можно найти у мыслителей консервативно-просветительского направления. Отличительной чертой позиции В.Н. Татищева относительно «общей пользы» является тот факт, что «воля», то есть свобода как естественное право человека, «только нужна и полезна, что ни едино благополучие ей сравняться не может и ничто ее достойно, ибо кто воли лишаем, тот купно всех благополучий лишается или приобрести и сохранить не благонадежен»²¹. Понятие свободы в понимании В.Н. Татищева стоит наравне с «общей пользой». Свобода необходима каждому разумному человеку, без нее он неполноценен, но свободой можно злоупотребить, и поэтому есть «узды неволи», созданные для улучшения положения человека, его же благополучия и благосостояния.

¹⁹ *Екатерина II. Особая тетрадь: собственноручные заметки великой княгини Екатерины Алексеевны. 1758–1761 гг // Хранители России. Антология. Т. 2. В поисках нового... консерватизма / под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М.: ООО «Паблиц», 2015. С. 547–550.*

²⁰ Там же. С. 540–550.

²¹ *Татищев В.Н. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 147.*

Естественный закон, из которого исходят естественные права в концепции В.Н. Татищева, выводится не только из природной сути вещей, но также и из Божественной воли. Вера в Бога и его влияние на общество и человека, в понимании рационалиста В.Н. Татищева, не так значительны, как считали авторы прошлых веков. Из этого следует признание необходимости не только любви к ближнему, но, в первую очередь, любви к самому себе. Разумность эгоизма состоит в том, что он соизмеряет свою пользу с пользой других людей, и, таким образом, каждый человек обязуется служить «общей пользе». Это служение становится критерием разумности человека и меры справедливости в обществе. Разумный человек служит «общей пользе», в то время как неразумный может заботиться только о себе, что к тому же будет просто безнравственно. В итоге человек способен обрести «высшее благополучие, т. е. спокойность души или совести», и «о сих нужно человеку крайне прилежать», как о главной цели своей жизни²².

В понимании М.М. Щербатова главные цели в жизни человека несколько иные: счастье и удовольствие²³. Люди не достигают и не могут достичь равной меры счастья в силу разного общественного положения, возможностей и других обстоятельств, как зависящих, так и не зависящих от самих людей. Таким образом, по М.М. Щербатову, равенство не лежит в основе справедливости. Не является таким основанием и свобода, так как люди обладают ей в разной степени. Сам М.М. Щербатов поддерживает крепостное право и отрицательно относится к идее освобождения крестьян, не признавая их положение несправедливым, в этом расходясь во мнениях с В.Н. Татищевым, призывавшим ограничить крепостное право. М.М. Щербатов пишет, что крестьяне недостойны свободы, что доказали бунтами и восстаниями, например, пугачевским²⁴.

Зато в понимании М.М. Щербатова основанием справедливости выступают, во-первых, Божий промысел и, во-вторых, «общая польза». Первое основание заключается в том, что Бог определяет то, в каком сословии рождается тот или иной человек, каким могуществом и богатством будет обладать. Некоторые люди имеют больше денег или власти, чем другие, но это, по мнению М.М. Щербатова, не делает их более счастливыми, чем менее преуспевающих в жизни. Дело в том, что люди, имеющие меньше, испытывают большее удовольствие, приобретая что-либо и вообще исполняя свои желания, в то время как богатым и могущественным сложно пожелать что-либо, так как у них уже все имеется и, следовательно, они получают меньшее удовольствие. Таким образом, сохраняется баланс в получаемом счастье и соблюдается справедливость. Второе основание — «общая польза». Она и в данной концепции тождественна пользе государства, но не определяется монархом произвольно. М.М. Щербатов выступает за умеренную монархию, в которой законы будут ограничивать мо-

²² *Татищев В.Н.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 147.

²³ *Щербатов М.М.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 546.

²⁴ Там же. С. 88.

нарха, не допуская его становления самодержцем, то есть абсолютным властителем. Подобных взглядов придерживается и В.Н. Татищев, будучи сторонником ограниченной монархии²⁵. Правитель не определяет общую пользу в полной мере, так как для этого составляются законы. М.М. Щербатов, кроме всего прочего, выступает против концентрации как законодательной, так и исполнительной власти в руках монарха. Таким образом, справедливо то, что установлено Богом, то есть современная М.М. Щербатову система, однако полезнее было бы иметь и твердые, обязательные для всех без исключения законы.

Отдельно следует обратить внимание на идеи С.Е. Десницкого, который разработал проект разделения властей в Российской империи, довольно часто апеллируя в нем к идее справедливости²⁶. Важно отметить, что рассуждения о справедливости в проекте сводились к необходимости установления четких законов и обязательности их исполнения. В данном случае виден характерный и для других мыслителей этой эпохи юридический подход к справедливости. При этом цель всех реформ и изменений в государственном устройстве С.Е. Десницкий видит в «осуществлении главной миссии — “всеобщего блага”» [Лаптева 2013]. Таким образом, справедливость, хотя и подразумевается, не ставится в качестве приоритета. Устройство, благоприятное для государства в целом, не может считаться несправедливым из-за того, что оно не способствует благу отдельных индивидов. Несмотря на признание особой важности законодательной власти, С.Е. Десницкий не видит необходимости ограничить законом власть монарха, как предлагал М.М. Щербатов. «Проект не претендовал на ограничение власти монарха, государю отводилась роль координатора, „высшего судьи“, „отца отечества“» [Лаптева 2013], — монарх действительно сохранял всю полноту власти и мог вмешиваться в дела любой из новообразованных «ветвей».

Отличное от описанного выше понимание справедливости демонстрирует Я.П. Козельский. Он приравнивает «общую пользу» и «справедливость», считая, что справедливым можно признать лишь то, что наиболее полезно для общества²⁷. При этом «общая польза» имеет разное содержание в зависимости от формы правления в государстве. Таким образом, универсальный принцип справедливости как воздаяния должного применяется по-разному в разных обществах. Следуя за Ш. Монтескье, Я.П. Козельский выделяет четыре формы правления, подробно описывая содержание «общей пользы» для республиканской и монархической форм правления. Я.П. Козельский не ищет универсальной справедливости и не пытается доказать, что одна форма правления «справед-

²⁵ Татищев В.Н. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 178–188.

²⁶ Десницкий С.Е. Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Хранители России. Антология. Т. 2: В поисках нового... консерватизма / под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М.: ООО «Паблис», 2015. С. 413–431.

²⁷ Козельский Я.П. Философические предложения... // Хранители России. Антология. Т. 2: В поисках нового... консерватизма / под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М.: ООО «Паблис», 2015. С. 514–521.

ливее» другой. Тем не менее больше внимания он уделяет именно рассмотрению монархии и справедливости в ней. Справедливым, или наиболее полезным, в монархии Я.П. Козельский считает принцип «заслуг», то есть лучшее положение достойнейших. Данный принцип строится на признании естественного неравенства людей, которое Я.П. Козельский не считает справедливым или несправедливым, принимая как данность.

Также следует отметить определенную двойственность, имеющую сходство с той, что отмечалась у Екатерины II, восприятия справедливости. Я.П. Козельский пишет о том, что принцип получения должностей по времени службы может быть менее справедлив, чем принцип получения их «по достоинству», однако так как определить достойных объективно довольно сложно, первый принцип можно считать более полезным, следовательно, более справедливым²⁸. Получается, есть определенный идеал справедливости, который может корректироваться потребностями, то есть, «пользой общества». Также делается уточнение о том, что только монарх может определять «достоинных».

Отличие от взглядов Феофана Прокоповича здесь еще в том, что «общая польза» определяется не произволением монарха, а представляет собой гармонию между частными и общественными интересами. В разных государствах данная гармония принимает разные формы (как было описано, в монархиях и в республиках). Справедливость, таким образом, полностью подчинена «общей пользе», которой должны следовать монарх и народ: монарх, устанавливая законы и следя за их выполнением, обеспечивая воспитание добродетелей в обществе, а народ, соблюдая законы и трудясь на благо Отечества. Не случайно в своих известных «Письмах русского путешественника Н.М. Карамзин утверждал: «Впрочем, всякое правление, которого душа есть справедливость, благотворно и совершенно»²⁹.

Идеи справедливости и «общей пользы» в сочинениях мыслителей радикально-просветительского направления

Наконец, следует обратить внимание на позицию А.Н. Радищева как представителя радикально-просветительского направления. Мыслитель строит свое понимание справедливости на теории естественных прав человека и общественного договора, подобно Руссо и другим авторам Эпохи Просвещения второй половины XVIII в. Так, у человека есть ряд данных от природы и неотъемлемых прав, соблюдение которых — условие сохранения справедливости в обществе. Отсюда следует, что природа справедливости эгалитарная, так как обеспечива-

²⁸ *Козельский Я.П.* Философические предложения... // Хранители России. Антология. Т. 2: В поисках нового... консерватизма / под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М.: ООО «Паблиц», 2015. С. 514–521.

²⁹ *Карамзин Н.М.* Избранные труды / сост., автор вступит. ст. и коммент. А.А. Ширинянец; автор вступит. ст. Д.В. Ермашов; автор коммент. А.И. Шевляков; сост. А.Ю. Старостин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 156.

ется за счет сохранения равенства прав у всех граждан. А.Н. Радищев не описывает специально, какие именно права естественны и священны, но есть основания предполагать, что это классические для Просвещения права на жизнь, свободу, собственность, безопасность³⁰.

Несмотря на то, что прямо А.Н. Радищев не высказывается о справедливости, его сочинения, критикующие существующую власть, по своей сути выступают требованиями справедливости. Гражданин по праву должен обладать определенными правами, но в России, по мнению А.Н. Радищева, он их не имеет. Следовательно, налицо нарушение принципа воздаяния должного, несправедливость. Свобода в представлении А.Н. Радищева — неотъемлемое право гражданина, что немаловажно, естественное право. Оно сохраняется и в общественном состоянии, но уже в форме гражданской свободы, ограниченной законами. Законы, в свою очередь, не устанавливаются произвольно. Они должны охранять права всех граждан вне зависимости от их благосостояния и общественного положения. Если же власть нарушает права человека, то граждане вольны восстать против нее, так как на них больше не лежит обязательств общественного договора, нарушенного одним из участников. Достаточно лаконично А.Н. Радищев описывает свою позицию по данному вопросу в заметке «О самодержавстве»³¹. Если говорить о равенстве, то А.Н. Радищев выступает за равенство граждан перед законом, критикует крепостное право и чрезмерные привилегии дворян. Он считает сословный строй несправедливым, а единственное основание для неравенства — имущественное. Власть в представлении А.Н. Радищева отражает общую волю народа и действует в соответствии с законами. А.Н. Радищев был сторонником республиканского демократического правления, считая любую монархию — строем неправильным, не соглашаясь в этом вопросе ни с Монтескье, ни с Руссо³².

Как можно видеть, в концепции А.Н. Радищева, опирающейся на естественные и гражданские права человека, несправедливо все, что эти права нарушает. Таким образом, для А.Н. Радищева характерен классический подход европейских либеральных мыслителей той эпохи.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на смену в XVIII в. идейно-политической риторики под влиянием западноевропейской общественно-политической традиции, аксиологические основы российской государственности продолжали оставаться столь же традиционными, как и в XI–XVII вв., в частности, понятия «правда» и «справедливость» в XVIII в. продолжали сохранять свое значение важнейших ценностных духовно-полити-

³⁰ Радищев А.Н. Полное собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 1–18.

³¹ Там же. С. 213–214.

³² Там же. С. 1–18.

ческих категорий. При этом нужно отметить, что под влиянием западноевропейской традиции в русских социально-политических сочинениях государственнического, консервативно-просветительского и радикально-просветительского направлений постепенно происходит переход от традиционных понятий, в том числе от понятия «правда», к таким понятиям как «справедливость» или «общая польза», однако понятие «правда» не исчезает вовсе из общественно-политического дискурса XVIII в. но используется в основном в художественной литературе, прежде всего в поэзии, и в сочинениях традиционалистско-православного направления.

Как можно видеть, изучение трансформации понятий «правда» и «справедливость», как аксиологических оснований российской государственности, в отечественном идейно-политическом дискурсе, может помочь раскрыть механизм взаимодействия этих понятий в общественном сознании современного российского общества. Впрочем, для более полного понимания этих процессов необходимы дополнительные исследования как историко-политического, так и социологического характера.

Поступила в редакцию / Received: 09.11.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 31.11.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.12.2022

Библиографический список

- Артемяева Т.В.* История метафизики в России XVIII века. СПб.: Алетейя, 1996.
- Болтански Л., Тевено Л.* Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов / пер. с фр. О.В. Ковеневой; науч. ред. перевода Н.Е. Копосов. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- Здравомыслова О.М.* Новый взгляд на общество? Изменяющиеся представления о власти, справедливости и солидарности // *Полития*. 2003. № 1. С. 34—51.
- Каменский А.Б.* Екатерина II // *Екатерина II. Избранное*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 5—36.
- Касамара В.А., Максименкова М.С., Сорокина А.А.* Справедливость в представлениях российской студенческой молодежи // *Общественные науки и современность*. 2020. № 4. С. 20—30. <https://doi.org/10.31857/S086904990010748-4>
- Лантева Ю.В.* Проект разделения властей С.Е. Десницкого // *Историко-педагогические чтения*. 2013. № 17. С. 448—457.
- Лубский Р.А.* Традиции полицейского государства в России как воплощение идеи общей пользы во имя общего блага // *Философия права*. 2012. № 2. С. 89—91.
- Мареева С.В.* Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // *Журнал институциональных исследований*. 2015. Т. 7. № 2. С. 109—119. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.2.109-119>
- Овчинникова Т.К.* Соотношение «закона» и «Правды» в русской политической мысли XI—XVI веков // *Современные проблемы социально-гуманитарных наук*. 2016. № 1. С. 11—14.
- Перевезенцев С.В.* В поисках нового... консерватизма // *Хранители России. Антология*. Т. 2. В поисках нового... консерватизма / под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М.: ООО «Паблис», 2015.

- Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. «Отечество находится не в географии...»: к вопросу об эволюции традиционных духовно-политических ценностей российской цивилизации // Тетради по консерватизму. 2021. № 3. С. 263–283. <https://doi.org/10.24030/24092517-2021-0-3-263-283>
- Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. К вопросу о методологических принципах изучения российских базисных традиционных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2021. Т. 27. № 4. С. 113–133. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4>
- Печерская Н.В. Справедливость: между правдой и истиной. (История формирования концепта в русской культуре) // «Правда»: дискурс справедливости в русской интеллектуальной истории / под ред. Н.С. Плотникова. М.: Ключ-С, 2011. С. 15–49.
- Платон (Левшин), митр. Поучительные слова: в 8 т. Т. 1. М., 1779 [Электронный ресурс]. URL: <https://stsl.ru/lib/arkhiepiskop-platon/> (дата обращения: 15.11. 2022 г.).
- Селезнева А.В., Антонов Д.Е. Ценностные основания гражданского самосознания российской молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 227–241. <https://doi.org/10.17223/1998863X/58/21>
- Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, № 3. С. 20–32. <https://doi.org/10.18721/JHSS.11302>
- Хеффе О. Справедливость: Философское введение / пер. с нем. О.В. Кильдюшова; под ред. Т.А. Дмитриева. М.: Праксис, 2007. 192 с.
- Черная Л.А. От идеи «служения государю» к идее «служения Отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVII — начала XVIII в. // Общественная мысль: исследования и публикации. 1989. Вып. 1. С. 28–43.
- Черных С.Н. Справедливость и правда в аспекте древнерусского мировоззрения // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2010. Т. 6. № 10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-i-pravda-v-aspekte-drevnerusskogo-mirovozzreniya> (дата обращения: 15.11.2022).
- Gibson, J.L. Truth, justice, and reconciliation: Judging the fairness of amnesty in South Africa // American Journal of Political Science. 2002. Vol. 46, no. 3. P. 540–556. <https://doi.org/10.2307/3088398>
- Kymlicka W. Contemporary Political Philosophy: An Introduction. Oxford: University Press, 2002.
- Olshansky D. History of Russian philosophy as an event of truth // Teme-Časopis za Društvene Nauke. 2007. No. 3. P. 597–619.
- Sandel M.J. Justice: What's the Right Thing to Do? NY: Farrar, Straus and Giroux, 2009.
- Selby J., Edward W. Said: truth, justice and nationalism // Interventions. 2006. Vol. 8, no. 1. P. 40–55.
- Simpson A. Reconfiguring Intercultural Communication Education through the dialogical relationship of Istina (Truth) and Pravda (Truth in Justice) // Educational Philosophy and Theory. 2022. P. 1–12. <https://doi.org/10.1080/00131857.2022.2098109>
- Swift A. Political Philosophy. Cambridge: Polity Press, 2014.

References

- Artemyeva, T.V. (1996). *The History of metaphysics in Russia of the 18th century*. St Petersburg: Aleteya Publishing House. (In Russian).
- Boltanski, L., & Teveno, L. (2013). Criticism and justification of justice: Essays on the sociology of cities. Moscow: New Literary Review. (In Russian). [Boltanski, L., & Thévenot, L. (1991). *De la justification: Les économies de la grandeur*. Paris: Gallimard].

- Chernaya, L.A. (1989). From the idea of “serving the sovereign” to the idea of “serving the Fatherland” in Russian public thought of the second half of the 17th — beginning of the 18th century. *Public Thought: research and publications*, 1, 28–43. (In Russian).
- Chernykh, S.N. (2010). Justice and truth in the aspect of the Old Russian worldview. *Bulletin of the Voronezh State Technical University*, 6(10). Retrieved November 15, 2022, from <http://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-i-pravda-v-aspekte-drevnerusskogo-mirovozzreniya> (In Russian).
- Gibson, J.L. (2002). Truth, justice, and reconciliation: Judging the fairness of amnesty in South Africa. *American Journal of Political Science*, 46(3), 540–556. <https://doi.org/10.2307/3088398>
- Heffe, O. (2007). Justice: A philosophical introduction. Moscow: Praxis. (In Russian). [Höffe, O.G. (2006). *Eine philisiphische einföhrung*. München: Verlag C.H. Beck].
- Kasamara, V.A., Maksimenkova, M.S., & Sorokina, A.A. (2020). Justice in the representations of Russian student youth. *Social Sciences and modernity*, 4, 20–30. (In Russian) <https://doi.org/10.31857/S086904990010748-4>
- Kymlicka, W. (2002). Contemporary political philosophy: An introduction. Oxford: University Press.
- Lapteva, Yu.V. (2013). The project of separation of powers by S.E. Desnitsky. *Historical and pedagogical readings*, 17, 448–457. (In Russian).
- Lubsky, R.A. (2012). Traditions of the police state in Russia as the embodiment of the idea of the common benefit in the name of the common good. *Philosophy of Law*, 2, 89–91. (In Russian).
- Mareeva, S.V. (2015). Justice and inequality in the public consciousness of Russians. *Journal of Institutional Research*, 7(2), 109–119. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.2.109-119>
- Olshansky, D. (2007). History of Russian philosophy as an event of truth. *Teme-Časopis za Društvene Nauke*, 3, 597–619.
- Ovchinnikova, T.K. (2016). The relation between “law” and “Truth” in Russian political thought of the 11th — 16th centuries. *Modern problems of social and humanitarian sciences*, 1, 11–14. (In Russian).
- Pecherskaya, N.V. (2011). Justice: between “Pravda” and “Istina”. (The history of the concept formation in Russian culture). In Plotnikov, N.S. (Ed.), *Pravda: The Discourse of Justice in Russian Intellectual History* (pp. 15–49). Moscow: Klyuch-S. (In Russian).
- Perevezentsev, S.V., (2015). In search of a new... conservatism. In A.A. Shirinyants & S.V. Perevezentsev (Eds.), *Guardians of Russia. Anthology. Vol. 2. In search of a new... conservatism*. Moscow: LLC “Publis”. (In Russian).
- Perevezentsev, S.V., Puchnina, O.E., Strakhov, A.B., & Shakirova, A.A. (2021). “The Fatherland is not in geography...”: On the question of the evolution of traditional spiritual and political values of Russian civilization. *Notebooks on conservatism*, 3, 263–283. (In Russian). <https://doi.org/10.24030/24092517-2021-0-3-263-283>
- Perevezentsev, S.V., Puchnina, O.E., Strakhov, A.B., & Shakirova, A.A. (2021) On the methodological principles of studying Russian basic traditional values. *Bulletin of the Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science*, 27(4), 113–133. (In Russian). <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4>
- Platon (Levshin), Metropolitan. (1779). *Pouchitel'nyja slova*. Retrieved November 15, 2022, from <https://stsl.ru/lib/arkhiepiskop-platon/> (In Russian).
- Sandel, M.J. (2009). *Justice: What's the Right Thing to Do?* NY: Farrar, Straus and Giroux.
- Selby, J. (2006). Edward W. Said: Truth, justice and nationalism. *Interventions*, 8(1), 40–55.
- Selezneva, A.V. (2020). Political values of Russian youth: Socio-cultural features and identification potential. *Society. Communication. Education*, 11(3), 20–32. <https://doi.org/10.18721/JHSS.11302>

- Selezneva, A.V., & Antonov, D.E. (2020). Value foundations of civic consciousness of Russian youth. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, 58, 227–241. <https://doi.org/10.17223/1998863X/58/21>
- Simpson, A. (2022). Reconfiguring Intercultural Communication Education through the dialogical relationship of Istina (Truth) and Pravda (Truth in Justice). *Educational Philosophy and Theory*, 1–12. <https://doi.org/10.1080/00131857.2022.2098109>
- Swift, A. (2014). *Political philosophy*. Cambridge: Polity Press.
- Zdravomyslova, O.M. (2003). A new look at society? Changing ideas about power, justice and solidarity. *Politeia*, 1, 34–51.

Сведения об авторах:

Перевезенцев Сергей Вячеславович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Научно-проектного отдела Научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: serp1380@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-9214-1753)

Ананьев Дмитрий Алексеевич — аспирант Лондонской школы экономики и политических наук (e-mail: d.ananyev@lse.ac.uk) (ORCID: 0000-0001-5238-2272)

About the authors:

Sergey V. Perevezentsev — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Scientific and Design Department of the Scientific and Innovative Management of the State Academic University of Humanities, Professor of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: serp1380@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-9214-1753)

Dmitry A. Ananiev — Postgraduate of London School of Economics and Political Science (e-mail: d.ananyev@lse.ac.uk) (ORCID: 0000-0001-5238-2272)